

А. В. Шаманаев

ВЫВОЗ ИЗ ХЕРСОНЕСА РОССИЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЗА РУБЕЖ В XIX в.

В статье рассматривается проблема перемещения российских культурных ценностей за рубеж в середине — второй половине XIX в. В качестве примера взята ситуация, складывавшаяся на территории Херсонесского городища (Крым, Севастополь). Статья основывается на привлечении архивных материалов.

Одна из основных проблем охраны памятников истории и культуры в Российской империи заключалась в несовершенстве юридической базы охранной деятельности. Так и не был принят единый закон, регламентирующий порядок сохранения историко-культурного наследия. В отличие от ряда европейских стран, в России также не был учрежден соответствующий правительственный орган, и функции охраны памятников старины были распределены между Министерством внутренних дел, Императорской Археологической комиссией (в структуре Министерства императорского двора), Академией наук и Академией художеств, Святейшим

синодом, Министерством народного просвещения [см., например: Смолин, 1917, 121—148; Разгон, 1957, 110—128].

Необходимо отметить, что российское законодательство об охране историко-культурного наследия имело существенные лакуны, а некоторые аспекты охранной деятельности так и не были определены юридически. Так, вне сферы законодательной регламентации находился порядок вывоза культурных ценностей за рубеж. Вопрос о принятии мер, препятствовавших свободному и бесконтрольному перемещению национальных исторических и художественных ценностей, неоднократно поднимался общественностью, но так и не был решен [см.: Разгон, 1957, 118—119; Турьинская, 2001, 49—50]. В результате зарубежный антикварный рынок регулярно пополнялся предметами старины, вывезенными из России.

Эта проблема весьма остро проявлялась по отношению к памятникам археологии. Несмотря на то, что еще в 1859 г. была создана Императорская Археологическая комиссия, которая должна была изучать и сохранять археологические древности, ее возможности были ограниченными, а в сфере контроля за вывозом археологических находок за рубеж — вообще неопределенными [см., например: Тихонов, 2004, 103; Лебедев, 1992, 142—197]. Однако если художественные произведения, книжные редкости, архивные и другие материалы вывозились за границу преимущественно с ведома и согласия их владельцев, то археологические находки часто попадали в руки иностранных коллекционеров в результате незаконной деятельности грабителей памятников.

«Черная археология», т. е. не санкционированное и не контролируемое государственными органами или научными организациями извлечение археологических древностей, в некоторых регионах Российской империи приобрела катастрофические для культурного наследия масштабы. Одной из наиболее проблемных в этом отношении была территория Крымского полуострова. Этот регион, богатый памятниками античности и Средневековья, практически со времени вхождения в состав России в конце XVIII в. стал источником материалов для пополнения коллекций отечественных и иностранных собирателей. Уже в первой четверти XIX в. правительство предприняло ряд мер, направленных на сохранение крымских древностей. В 1805 г. Александр I повелел запретить разрушение и расхищение памятников старины в Крыму. На основании этого распоряжения херсонский военный губернатор (Крым входил в его юрисдикцию) Дюк де Ришелье предписал своим подчиненным «иметь наблюдение, чтобы частными лицами, по Крыму путешествующими, не было собираемо древних редкостей» [Кулаковский, 2002, 210—211]. В 20—30-х гг. XIX в. российское правительство вновь попыталось пресечь бесконтрольные археологические раскопки на памятниках полуострова. Указы 1834 и 1835 гг. регламентировали деятельность Керченского музея древностей и устанавливали, что «никто без дозволения местного начальства не имеет права искать древностей на землях казенных и общественных» [Разгон, 1971, 351—352]. Однако эти распоряжения серьезных результатов не дали: расхищение крымских памятников не прекратилось [см.: Федосеев, 2005]. В 1892 г. директор керченского музея К. Е. Думберг доносил в Археологическую комиссию: «Керчь богата па-

мятников, но в городе отсутствует исторический дух, в основном думают только извлекать наживу. Многие находки попадают в руки путешественников, вывозятся за границу» [цит. по: Боровкова, 1999, 140—141].

К сожалению, не только керченские древности привлекали внимание грабителей памятников. Практически все крымские памятники, известные в то время, подвергались разрушению с целью добычи находок для продажи. Не избежал этого и один из самых известных археологических объектов Крыма — Херсонес. Этот памятник интересен не только с историко-археологической точки зрения, но и в связи с его ролью в истории российской археологии как науки. Он стал одним из первых объектов систематических исследований, раскопки которого осуществляются с 1827 г. [см.: Формозов, 1975, 173—175; Тункина, 2002, 479—536]. Несмотря на то, что большое значение этого памятника для отечественной и мировой науки было осознано уже на рубеже XVIII—XIX вв., он постоянно подвергался разрушительным воздействиям. Наибольший урон был нанесен Херсонесу в связи со строительством Севастополя, для которого городище стало источником строительного материала [см., например: Сумароков, 1800, 121—122; Паллас, 1881, 106]. Одновременно памятник становится предметом интереса любителей древностей. Сохранились сведения о существовании в начале XIX в. частных коллекций, в основном нумизматических, включавших находки, сделанные на территории Херсонеса [см.: Тункина, 2002, 504—505]. В течение первой половины XIX в. херсонесские древности, полученные в том числе и в результате грабительских раскопок, пополняют собрания государственных музеев и частных лиц [см.: Там же, 514—528]. Достоверной информации о вывозе находок за границу в это время нет, но исключить такую возможность нельзя.

Трагические события Крымской войны и героической обороны Севастополя не обошли и Херсонес. Территория памятника оказалась под контролем англо-французских войск. Оставляя Крым, союзники вывезли в Англию и Францию археологические находки из древнехранилища при киновии во имя св. равноапостольного князя Владимира, основанной в 1850 г. Полковник английской армии Манро организовал грабительские раскопки на городище. Какие-то аналогичные работы проводили французы, открывшие мозаичный пол в остатках одного их храмов. Полученные таким путем трофеи частично осели в Британском музее, а также оказались в руках частных коллекционеров [см., например: Иванов, 1912, 171; Тункина, 2002, 529; Золотарев, Хапаев, 2002, 62].

Во второй половине XIX в. интерес кладоискателей к Херсонесу не уменьшился, несмотря на то, что в 1876 г. начались научные раскопки, организованные Одесским обществом истории и древностей (ООИД), которое активизирует меры по охране городища [см.: Юргевич, 1886, 57—58]. В 1884 г. руководству Одесского общества стало известно, что солдаты черноморской минной роты № 3, привлекавшиеся в качестве рабочих на раскопках, активно похищали и охотно продавали ценные артефакты любителям старины, пользуясь отсутствием контроля со стороны начальства [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 220—220 об.]. По сведениям, полученным ООИД, за 1882—1883 гг. было приобретено частными лицами и про-

дано за границу значительное количество ценных находок. В числе утраченных для науки древностей оказались золотые, серебряные и медные монеты, средневековый золотой перстень, византийские свинцовые печати, керамические изделия [Императорское Одесское общество..., 1885, 108]. Одесское общество было вынуждено предпринять срочные меры для пресечения хищений и продажи находок, отказавшись от привлечения военных к раскопкам и введя вознаграждение за интересные находки [подробнее см.: Шаманаев, 2005, 272—273].

Однако не всегда вывоз археологических находок за границу имел криминальный характер. В истории исследований Херсонеса есть интересный эпизод, имеющий отношение к русско-американским отношениям. Следует отметить, что культурные связи между Россией и США всегда складывались не менее сложно, чем политические. С одной стороны, интеллигенция обеих стран признавала достижения другой культуры, с другой стороны — интерес американцев к историко-культурному наследию России иногда имел меркантильный характер. Не говоря даже об участии представителей американских деловых кругов в расхищении памятников истории и искусства, организованном большевистским правительством в 1920—1930 гг., можно вспомнить о судьбе уникальной библиотеки сибирского купца Г. В. Юдина, которая была куплена за бесценок и вывезена в США в начале XX в. во многом благодаря попустительству чиновников царского времени [см. об этом: Мосякин, 1991, 30, 40; Смирнов-Сокольский, 1959, 532—543].

В 1887 г. епископ Таврический Мартиниан получил запрос из ведомства православного исповедания канцелярии обер-прокурора Святейшего синода от 28 января за подписью К. П. Победоносцева [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 290—290 об.] — см. прил. 1. Просьба, изложенная в письме, была необычной для данного ведомства. Глава Синода запрашивал руководителя Таврической епархии о возможности выслать в США архитектурную деталь одного из херсонесских храмов. Этот своеобразный интерес был вызван тем, что в Чикаго началось строительство англиканской церкви Св. Климента. Судя по тексту документа, оно осуществлялось на частные пожертвования. Даритель пожелал, чтобы внутреннее убранство нового храма украсил камень из руин Херсонеса, где св. Климент (легендарный четвертый римский епископ) вел миссионерскую деятельность и принял мученическую смерть. Внимание К. П. Победоносцева к этому случаю, вероятно, было вызвано обращением к нему с этой просьбой протопресвитера англиканской епископальной церкви в Америке.

Епископ Таврический немедленно переадресовал запрос настоятелю Херсонесского монастыря Св. Владимира. Этот монастырь был основан в 1850 г. как киновия на месте легендарного крещения великого киевского князя Владимира, а в 1861 г. был возведена в степень первоклассного монастыря. Особая роль Херсонеса в истории русского православия определила интерес к этому месту со стороны высокопоставленных лиц. В 1870—1880-х гг. он неоднократно посещался членами императорской фамилии, а в 1886 г. своим вниманием его удостоил Александр III [см.: Гроздов, 1888, 76—80; Севастопольское благочиние..., 1997, 101—103]. Служители монастыря принимали непосредственное участие в археологи-

ческих исследованиях Херсонесского городища совместно с Одесским обществом истории и древностей [см.: Гриневич, 1927, 16—23]. В 1886—1893 гг. монастырь находился под управлением архимандрита Иннокентия (Жежеленко) [Севастопольское благочиние..., 1997, 103].

Дальнейшие обстоятельства дела становятся ясными из отношения ведомства православного вероисповедания канцелярии обер-прокурора Святейшего синода от 21 июня 1887 г., адресованного также епископу Мартиниану [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 284—284 об., 285] (прил. 2). Когда речь шла о столь высокопоставленной фигуре, как глава Синода, церковно-бюрократическая машина действовала быстро. Более того, высказанное пожелание, как правило, воспринималось как приказ. Запрос архимандриту Херсонесского монастыря Иннокентию датирован от 4 февраля 1887 г. [см.: Там же, л. 290]. Уже 28 февраля в Санкт-Петербург был отправлен положительный ответ с описаниями нескольких архитектурных фрагментов для возможности выбора одного из них. Синод уведомил об этом архитектора чикагского храма Джорджа Армора [Там же, л. 284]. Армор остановил свой выбор на фрагменте мраморной колонны с высеченным на ней крестом. Вероятно, чувствуя благожелательное отношение российских властей, архитектор обратился с просьбой о получении еще и детали мраморной плиты, скорее всего — алтарной преграды (в тексте — иконостаса) для украшения алтаря строящегося храма [Там же, л. 284 об.].

Можно предположить, что упомянутые архитектурные фрагменты происходили из собрания древностей, хранившихся в Херсонесском монастыре и предназначенные для устройства Христианского музея. В 1850 г. правительство разрешило архиепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентию приступить к реализации программы восстановления древних христианских памятников Крыма. В Записке о восстановлении древних святых мест по горам Крымским Иннокентий высказал идею строительства в Херсонесе собора в память крещения князя Владимира. По первоначальному замыслу собор должен был представлять собой реконструкцию средневековой церкви. Вероятно, в эти же годы возникла идея создания местного музея [см.: Лашков, 1888, 83—86, 91]. Однако Крымская война почти на 20 лет задержала реализацию этих планов. Решение о создании музея в Херсонесе оформилось к 1878 г. вместо проекта Синода построить возле Владимирского собора крещальню из древних архитектурных фрагментов и после начала систематических раскопок ООИД на средства Синода [см.: Гриневич, 1927, 172]. Н. Н. Мурзакевич, вице-президент Одесского общества истории и древностей, сообщал монастырскому начальству 1 мая 1878 г.: «Из всего собранного в бывших зданиях мраморов составителся местный Христианский Музей, который будет вмещать в себе все то что осталось христианскаго начиная с VII века, если не далее. Здесь же будут сохраняться христианские монеты и другия вещи, в развалинах отысканные» [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 88]. Однако после передачи раскопок под полный контроль Императорской Археологической комиссии (1888) участие Одесского общества в проекте прекратилось, а сама идея постепенно была забыта.

В отношении Синода от 21 июня 1887 г. сообщались указания о транспортировке архитектурных деталей в США через Англию. Кроме того, Дж. Армор брал на себя расходы по доставке в сумме 250 рублей [см.: ГАГС, ф. 19, оп. 1, д.10, л. 284 об. — 285]. Судя по пометке епископа Мартиниана на документе, исполнение поручения Синода было возложено на архимандрита Херсонесского монастыря (3 июля 1887) [Там же, л. 284]. Судя по тому, что деньги передавались исполнителю, камни скорее всего были отправлены. К сожалению, проследить их дальнейшую судьбу пока не удалось.

Данный случай может рассматриваться как пример несовершенства российского законодательства об охране памятников. Документы не содержат никаких упоминаний о согласовании вывоза за рубеж археологических материалов с Археологической комиссией, которая должна была осуществлять контроль за «всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности» [ПСЗ, 1861, 71]. Однако юридически она не имела права контролировать их перемещение за пределы страны.

Не исключено, что в деле о подарке херсонесских древностей храму англиканской епископальной церкви в Америке определенную роль сыграли обстоятельства развития межконфессиональных отношений России, Англии и США. Начиная с 1810-х гг. Русская православная церковь развивала отношения с англиканской церковью, имевшие целью осуществить сближение этих конфессий. Эти контакты особенно активизировались во второй половине XIX в. Тесное и дружественное сотрудничество с епископальной церковью США привело к созданию Русско-греческого комитета при Генеральной конвенции американской церкви как официального органа РПЦ (1862—1877). В 1863 г. был создан Греко-русский комитет при нижней палате конвокаций церкви Англии для содействия развитию отношений между англиканской и православной церквями. В 1864 г. митрополиты Московский Филарет и Санкт-Петербургский Исидор обсуждали возможность англикано-православной унии с секретарем Русско-греческого комитета, представителем американской епископальной церкви Дж. Янгом. В том же направлении развивались эти связи в 1870—1880-х гг. [см.: Лаврова и др., 2001, 312—317]. На фоне таких отношений, активно поддерживаемых Синодом, херсонесские реликвии могли рассматриваться как своего рода дипломатический подарок, имевший целью поддержать сотрудничество двух церквей.

Интересно отметить, что культурные контакты между США и Крымом, связанные с Херсонесским городищем, приобрели новую форму в конце XX в. После 1991 г. Херсонес юридически стал объектом историко-культурного наследия Украины и получил статус Национального заповедника. С 1994 г. по настоящее время на его базе реализуется масштабный научно-исследовательский проект совместными усилиями сотрудников заповедника и Института классической археологии Техасского университета [Crimean Chersonesos..., 2003, X—XIII].

Приложение 1

ЗАПРОС ОБЕР-ПРОКУРОРА СИНОДА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА
К ЕПИСКОПУ ТАВРИЧЕСКОМУ МАРТИНИАНУ ОТ 28 ЯНВАРЯ 1887 Г.

Ведомство православного исповедания. Канцелярия Обер-Прокурора
Святейшаго Синода. Отделение 1. Стол 1. 28 января 1887 г. № 409
Его Преосвященству Мартиниану, епископу Таврическому

Преосвященнейший Владыко, Милостивый Государь и Архипастырь!

Протопресвитер Англиканской Епископальной церкви в Америке и настоятель кафедрального собора в Девенпорте сообщает, что в Чикаго воздвигается великолепный храм во имя Св. Климента, Епископа Римскаго, на средства одного жертвователя, и что этот последний желает, чтобы в стену новозозидаемаго храма, на стороне, обращенной внутрь церкви, был вделан камень с развалин храма в Херсонесе Таврическом, где провел последние годы своей жизни Св. Климент.

Вследствие сего долгом поставляю покорнейше просить Ваше Преосвященство не оставить меня Вашим отзывом о возможности удовлетворения вышеизложеннаго желания строителя церкви Св. Климента в Америке.

Поручая себя молитвам Вашим, с совершенным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Преосвященства, Милостиваго Государя и Архипастыря
покорнейшим слугою
К. Победоносцев

На верхнем поле первого листа документа пометка адресата:

№ 621. О. Архимандрит Херсонесскаго Св. Владимира монастыря имеет на сем же отношении представить мне отзыв о том, возможно ли удовлетворить желание строителя в Чикаго Храма во имя Св. Климента Папы Римскаго, и какой величины будет тот камень, который может быть вынут из развалин древяно храма Херсонесскаго.

Февр. 4 д. 1887 г. Мартиниан Епископ Таврический

[ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 290—290 об. Подлинник]

Приложение 2

ОТНОШЕНИЕ ОБЕР-ПРОКУРОРА СИНОДА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА
К ЕПИСКОПУ ТАВРИЧЕСКОМУ МАРТИНИАНУ ОТ 21 ИЮНЯ 1887 Г.

Ведомство православного исповедания. Канцелярия обер-прокурора Святейшаго синода. Отделение 1. Стол 1. 21 июня 1887 г. № 2655
Его Преосвященству Мартиниану, епископу Таврическому

Преосвященнейший Владыко, Милостивый государь и Архипастырь!

Содержание отношения Вашего преосвященства от 28 февраля текущаго года за № 963-м, сообщено было, по принадлежности, строителю храма в Чикаго, Георгию Армору (George A. Armour), от котораго ныне получен ответ, полный выражений искренней признательности Вашему Преосвященству и настоятелю Херсонисскаго монастыря за выраженную готовность уступить для упомянутаго храма камни с развалин храма в Херсонесе Таврическом, где провел последние годы своей жизни Св. Климент.

Обращаясь к выбору камней, Г. Армор останавливается на втором из описанных Вами в упомянутом отношении за № 963-м остатков развалин, а именно на куске круглой мраморной колонны с высеченным на оной крестом, но прибавляет, что если бы признано было возможным пожертвовать два камня, то было бы желательно получить и кусок мраморной плиты из иконостаса, для помещения в алтарь (Sanctuary) вновь строящейся в Чикаго базилики. К сему г. Армор присовокупляет, что означенные два камня могут быть отправлены морем из Севастополя или из другого порта в Лондон по прилагаемому при сем адресу, с обозначением на оном и знака (в тексте изображен рисунок с прописной буквой «А», вписанной в правильный ромб. — *А. III.*), так как буква А в четырехугольнике, вероятно, составляет знак, которым отмечаются ящики, присылаемые в Лондон Г. Стивенсу (Stevens) для г. Армора.

Сообщая о вышеизложенном Вашему Преосвященству и препровождая к Вам полученные от Г. Армора (на расходы по упаковке камней и по доставлению их в порт и проч.) двести пятьдесят руб., имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь и Архипастырь, о последующих Ваших распоряжениях по сему предмету не оставить меня уведомлением.

Поручая себя молитвам Вашим, с совершенным почтением и преданостию имею честь быть

Вашего Преосвященства, Милостиваго Государя и Архипастыря,
покорнейшим слугою
К. Победоносцев

На верхнем поле первого листа документа пометка адресата:

Поручаю Херсонисского монастыря отцу Архимандриту привести в исполнение распоряжение г. Обер-Прокурора Св.Синода, изложенное в этом отношении, и об исполнении сего распоряжения, равно и о количестве израсходованных, при сем препровождаемых 250 руб., донести мне при первой возможности.

Июля 3 дня 1887 г. Мартиниан Епископ Таврический

[ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 284—284 об., 285. Подлинник]

Боровкова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь, 1999.

Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок. Севастополь, 1927.

Гроздов А. Историческая записка о Херсонисском св. равноапостольного великого князя Владимира монастыре // ИТУАК. 1888. № 5. С. 76—80.

Золотарев М. И., Хапаев В. В. Херсонесские святые. Севастополь, 2002.

Иванов Е. Э. Херсонес Таврический: Ист.-археол. очерк // ИТУАК. 1912.

Императорское Одесское общество истории и древностей в 1884 году // ЖМНП. 1885. Ч. 238 (апр.). С. 107—114.

Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев, 2002.

Лаврова П. В., Соловьева Т. С., Сперанская Е. С. Англикано-православные связи, богословские диалоги XVIII—XX вв. // Православ. энцикл. Т. 2. М., 2001. С. 311—322.

Лашков Ф. Ф. Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря // ИТУАК. 1888. № 5. С. 19—75.

Лебедев Г. С. История отечественной археологии, 1700—1917 гг. СПб., 1992.

Мосякин А. Антикварный экспортный фонд // Наше наследие. 1991. № 2. С. 29—42.

Паллас П. С. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 62—208.

ПСЗ. Собр. 2. Т. 34. СПб., 1861.

Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861—1917) // История музейного дела в СССР: Тр. НИИ музееведения. Вып. 1. М., 1957. С. 73—128.

Разгон А. М. Охрана исторических памятников в России (XVIII — первая половина XIX в.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. С. 291—365.

Севастопольское благочиние: Справ.-путеводитель. Севастополь, 1997.

Смирнов-Скольский Н. П. Рассказы о книгах. М., 1959.

Молин В. Ф. Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России // Изв. Археол. комиссии. Вып. 63. Пг., 1917. С. 121—148.

Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М., 1800.

Тихонов И. Л. Последний председатель Императорской Археологической комиссии граф А. А. Бобринский // Невский археол.-историогр. сб.: К 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова. СПб., 2003. С. 95—117.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.

Турьинская Х. М. Музейное дело в России в 1907—1936 годы. М., 2001.

Федосеев Н. Ф. Пантикапей и «охрана памятников» в Керчи // Ист. наследие Крыма. 2005. № 9. С. 155—170.

Формозов А. А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // СА. 1975. № 1. С. 171—175.

Шаманаев А. В. Организация и финансирование археологических исследований Одесского общества истории и древностей в Херсонесе (1876—1886 гг.) // Проблемы истории России. Вып. 6. Екатеринбург, 2005. С. 272—283.

Юргевич В. Н. Краткий очерк деятельности Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 57—58.

Crimean Chersonesos: city, chora, museum, and environs. Austin, 2003.

Статья поступила в редакцию 27.11.2006.